Лолита Ланская

Развод. Ты же не выгонишь сестру

Лолита Ланская

Развод. Ты же не выгонишь сестру?

«Автор»
2026

Ланская Л.

Развод. Ты же не выгонишь сестру? / Л. Ланская — «Автор», 2026

— Да скажи ты ей уже, Игорь, сколько можно тянуть, у меня скоро живот будет видно.Я стою за дверью с тортом в руках. Свечи уже зажжены.Это голос моей младшей сестры. Той самой, которую я вырастила после маминой смерти, которой отдала комнату, когда она развелась, которой весь январь заваривала имбирь от тошноты.Муж выходит в коридор, видит меня и даже не пытается оправдаться:— Вер, ну она же твоя сестра. Ты что, беременную на улицу выставишь?Двадцать лет брака, и виноватой снова назначают меня.А пятнадцатилетняя дочь кричит, что это я «всех строю», что с папой и тётей ей весело, и собирает рюкзак.Я привыкла держать на себе всех. Но кто удержит меня, если я впервые скажу «нет» — мужу, сестре и собственному ребёнку?

© Ланская Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Да скажи ты ей уже 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Лолита Ланская
Развод. Ты же не выгонишь сестру?

Глава 1. Да скажи ты ей уже

— Да скажи ты ей уже, Игорь, сколько можно тянуть, у меня скоро живот будет видно.

Голос сестры доносится из маленькой комнаты, дверь которой приоткрыта на ширину ладони, и я стою в коридоре с тортом на вытянутых руках, как официантка с подносом, и никак не могу понять, почему не делаю ни шага ни вперёд, ни назад. «Наполеон» я купила в кондитерской на углу по дороге с работы, и весь обратный путь везла его в автобусе, придерживая коробку, чтобы крем не сполз на одну сторону. Дома Даша помогла мне переложить торт на блюдо. Света закрылась у себя, а Игорь ещё не вернулся из магазина. Свечей в кухонном ящике оказалось всего двенадцать, и Даша умчалась за остальными, пообещав вернуться через десять минут. Я собиралась дождаться её, но услышала голос сестры и решила пока поздравить без остальных свечей. Зажгла те, что были, спичкой, с третьей попытки, и понесла праздник по коридору, стараясь не дышать на огонь. Теперь пламя дрожит от сквозняка из-под входной двери, воск медленно стекает по свечам на сливочный крем, и я смотрю на это так, будто речь идёт о чужом торте в чужой прихожей.

Прихожая у нас маленькая, и в ней всё на виду: Игоревы ботинки, которые он опять не поставил на полку, Дашин велосипед, прислонённый к вешалке, зеркало в светлой деревянной раме и над ним фотография мамы в вязаной кофте, сделанная за год до её болезни. Мама смотрит с этого снимка так, как смотрела всегда, когда я приходила домой позже обещанного и делала вид, что ничего не случилось. В зеркале отражается женщина с тортом. Кисти у неё красные от постоянного мытья и антисептика в процедурной, а волосы собраны в хвост, который давно пора переделать. Я почти не узнаю в ней себя, хотя мне всего сорок четыре, и выгляжу, если верить Оксане, лучше, чем в прошлом году.

Квартира у нас на Вокзальной, трёхкомнатная, и гостиной в ней нет, если не считать большой кухни, где мы принимаем гостей, потому что за круглым столом помещаются все, кто нам дорог. Маленькая комната когда-то была Игоревым кабинетом, пока он не решил, что в кабинете слишком тихо и скучно, и не перенёс свои папки в гараж. Теперь там живёт Света. Вернее, она там ночует, потому что днём её почти не бывает дома: то она на работе в автосервисе, то у подруг, то просто сидит в машине на парковке и смотрит в телефон. Я ей выделила эту комнату в сентябре, когда она пришла ко мне с одним чемоданом и сказала, что это ненадолго, пока не встанет на ноги. Полгода прошло, а она всё ещё живёт у меня. И, как выясняется сейчас, ждёт ребёнка.

Из комнаты снова доносится Светин голос. Говорит она быстро, с придыханием, так, будто боится, что её перебьют, и я слышу в её голосе то, что раньше не пришло бы мне в голову: в нём нет страха перед Игорем. Есть раздражение, как у человека, который давно стоит в очереди и понимает, что перед ним опять пропускают кого-то другого.

— Игорь, ну ты же обещал. Ты сказал, что до моего дня рождения всё объяснишь, и вот он, мой день рождения, а ты опять говоришь «потом». Девятнадцать недель, я уже не могу это прятать под свободной футболкой. Я не могу больше жить с ней под одной крышей и есть её суп, понимаешь? Каждое утро выхожу на кухню, а она уже там стоит с чайником и имбирём и смотрит на меня так, будто я ей что-то должна.

Сначала слова проходят мимо меня, как сквозняк сквозь приоткрытую дверь: вроде чувствуешь, а вроде и нет. Только слово «суп» цепляется за что-то внутри и не отпускает, и я думаю, что это глупость, при чём тут суп. Потом до меня доходит всё целиком, одним куском,

и первое, на что я смотрю, — не дверь и не сестра за ней, а торт. Воск падает на белый крем и застывает маленькими каплями, похожими на пуговицы. Я думаю, что их придётся счищать ножом, что крем испортится, что Даша придёт и спросит, почему у тёти торт в пятнах. Глупость, конечно, но мысль цепляется именно за неё, потому что за неё можно держаться.

Девятнадцать недель. Я считаю в уме, отсчитывая назад и делая поправку на акушерский срок. Получается, забеременела она примерно в конце ноября. В конце ноября Игорь вернулся из рейса, я помню это точно, потому что в тот вечер он скинул ботинки, прошёл в ванную, а потом долго ходил по квартире в мокрых носках, пока я не спросила, что он ищет. Он ничего не искал. Он просто не знал, куда себя деть, и я объяснила это усталостью, потому что так объясняла всё.

Игоря я встретила двадцать лет назад на свадьбе у общих знакомых, где он танцевал с тётками с такой серьёзностью, будто от этого зависит его карьера. Через полгода мы расписались в ЗАГСе, и я верила, что вдвоём мы вытянем всё, что на нас свалится. Тогда я ещё не понимала, что привычку всё держать на себе принесу и в этот брак. Я уже растила Свету, но всё равно верила: с Игорем рядом мне больше не придётся справляться одной.

Я не вхожу. Ноги стоят, и всё, ни вперёд, ни назад. Руки держат широкое блюдо с тортом, на котором ещё горят двенадцать свечей, и на одно нелепое мгновение мне кажется, что если я сейчас сделаю шаг, то вместе с тортом рухну на линолеум, и от этого уже невозможно будет отмахнуться. Я жду, что кто-нибудь скажет что-нибудь ещё. В комнате тихо, только звякает ложка о блюдце, и я представляю, как Света сидит на диване и размешивает в кружке сахар из нашего шкафа, из пачки, которую купила я.

* * *

В пятницу, двадцатого марта, утром я ещё ничего не знаю. На кухне ещё пахнет подгоревшим тестом. Вчера я до полуночи пыталась испечь торт: отвлеклась на стирку, передержала коржи, а начать заново уже не хватило ни продуктов, ни сил. Решила, что после смены куплю «Наполеон» в кондитерской на углу. Игорь пришёл из рейса в шесть утра, тяжело сел на табуретку в прихожей, стянул носки и заворчал, что весь дом в муке, хотя мука осталась только на моём фартуке. Потом он всё-таки поцеловал меня в макушку, как целовал все двадцать лет, не глядя, и пообещал привезти шампанское, «раз уж у нашей именинницы такой праздник». Он всегда произносит это слово с лёгкой иронией, будто берёт его в невидимые кавычки.

Даша в это время уже сидит в своей комнате, закрыв дверь на защёлку, и надувает шарики, один за другим, так что у неё, наверное, щёки болят. Из-за двери доносится её шёпот, потом короткий смех, потом снова шёпот, и я делаю вид, что ничего не слышу. Когда она выходит на кухню за хлебом, к футболке у неё прилипла голубая ниточка, а на пальцах следы от фломастера, которым она, видимо, что-то написала на шариках. Я спрашиваю, что там написано. Она говорит, что это секрет, показывает мне язык, как в пять лет, и я думаю, что давно не видела её такой спокойной, без привычной складки между бровей.

Света выходит на кухню бледная, как лист бумаги, в растянутой футболке, которая ей уже тесновата. Я предлагаю ей кофе, она отмахивается и садится на табуретку у окна, прикрыв рот ладонью. Я ставлю чайник, достаю из шкафчика имбирь, режу его тонкими кружочками и говорю, что ей сегодня тридцать четыре, а она всё ещё завтракает одним кофе и потом жалуется на желудок. Она закатывает глаза и смеётся, и смех у неё получается хриплым, незнакомым, но в тот момент я думаю только о том, что надо не забыть купить мёд, потому что мёд в доме кончился ещё в понедельник.

— Вер, ты опять меня жалеешь? — спрашивает Света, не поднимая головы, и пальцы её ходят по краю кружки, будто по клавиатуре. — Ты так смотришь, будто я тебе должна что-то объяснить.

— Я не смотрю, я ставлю чайник, — отвечаю я и отворачиваюсь к плите, чтобы она не видела, как я недовольно поджимаю губы. — Ты пей имбирь, а потом уже будем разговаривать, хорошо?

Она не отвечает. Держит кружку обеими руками, как будто та может согреть не только руки, и смотрит в окно, где напротив подъезда мальчишки гоняют мяч по мокрому асфальту. Потом говорит тихо, что ей всё время хочется спать, что она не выносит запах жареного лука и что даже Дашины шарики её раздражают. Я киваю и говорю, что ей всё-таки стоит записаться к врачу. Света уже не раз уверяла меня, что проверялась и ничего серьёзного у неё нет. Она усмехается так, будто я сказала что-то очень глупое, и отворачивается к окну.

Игорь в это время стоит у того же окна с кружкой кофе и смотрит во двор, где вокруг вчерашних луж дворник собирает мокрые листья. Я спрашиваю, что там такого интересного. Он говорит «ничего» и тут же добавляет, что Света опять выглядит больной и ей нужно к врачу, а не к моим травам. Я отвечаю, что я двадцать лет в процедурной и не собираюсь заменять врачей имбирём, пусть не забывает. Он поворачивается ко мне с таким лицом, будто хочет что-то сказать, но не говорит. Ставит кружку в раковину, целует меня в висок и уходит спать, потому что после рейса ему нужно хотя бы два часа лежать горизонтально, иначе, по его словам, он начинает разговаривать сам с собой.

На работе я весь день думаю о празднике. Между капельницами пишу Даше в мессенджер, где лежит мамина скатерть с синей вышивкой, и прошу положить её на кухонный стол, а не на диван, где её опять зальют чаем. Даша отвечает голосовым, что всё понятно, что она уже купила тёте серёжки, на свои, с карманных, и чтобы я не смела говорить, что это ерунда. Я слушаю её голос в туалете, у раковины, и улыбаюсь так широко, что сама себя не узнаю. Оксана заглядывает в процедурную с пачкой печенья и спрашивает, не собираюсь ли я устроить тут свадьбу. Я говорю, что собираюсь устроить день рождения сестре, и что за тортом зайду после работы. Оксана фыркает и говорит, что с моей роднёй только торт и остаётся: ни поздравить нормально, ни поругаться толком. Потом она становится серьёзнее, смотрит мне в глаза и добавляет, что если Света опять попросит у меня денег, я должна сказать нет, и пусть Света хоть неделю на меня обижается. Я смеюсь и говорю, что Света денег не просит, она просит внимания, а внимание у нас в семье бесплатное. И тут же понимаю, что сказала что-то смешное и печальное одновременно.

Потом я отпрашиваюсь у старшей медсестры на час раньше. Она смотрит на меня поверх очков долго, с тем удивлением, с которым смотрят на людей, давно ни о чём не просящих, и разрешает уйти пораньше, потому что за три года я ни разу не взяла отгул.

Зоя Павловна, пенсионерка, которой я колю витамины по назначению участкового, спрашивает, почему я сегодня такая светлая, будто на Пасху. Я рассказываю ей про сестру. Про то, как мама умерла в марте, а в больничном коридоре пахло хлоркой и никто не мог толком объяснить, как это произошло. После похорон я, восемнадцатилетняя, отказалась от мечты о филфаке и пошла в медучилище, подрабатывая по вечерам: Светке было восемь, а рассчитывать нам было не на кого. Про то, как я учила её кататься на велосипеде во дворе, держа сзади за седло, и как она потом кричала, что я ей всё порчу. Зоя Павловна кивает, прижимает ватку к месту укола и говорит, что я, значит, из тех, кто тащит на себе, а тащить всегда будут сильные. Я смеюсь, потому что так и есть, и отрицать не хочется.

В кондитерской на углу, куда я заглянула после работы, меня давно знают: я всегда беру одно и то же. Девушка за прилавком, кудрявая, с серьгами в виде маленьких бубликов, спрашивает, что написать на торте. Я задумываюсь. Писать «Свете» кажется мне странным, писать «с днём рождения, сестра» — фальшивым, будто открытка из киоска. В итоге говорю, что ничего не надо, без надписей. Она кивает и говорит, что без надписей даже лучше, потому что так не придётся портить ровный слой крошки. Я смеюсь и думаю, что в этом она, пожалуй, права.

Домой я еду на автобусе, зажав коробку между коленями. Девочка лет семи, сидя напротив с мамой, тычет пальцем и спрашивает, там торт или коробка от торта. Мама шикает на неё, а я улыбаюсь, потому что не знаю, что ответить. На остановке у рынка в салон заходит женщина с сумками, толкает меня локтем и извиняется, и мне кажется, что весь город сегодня нарочно толкается: кто-то поздравляет, кто-то продаёт, а я просто хочу доехать и не уронить коробку.

* * *

Я всё ещё стою у приоткрытой двери. Даша не вернулась, и я вспоминаю последнее сообщение Игоря: он паркуется у подъезда и через пять минут будет наверху. Значит, Света говорит с ним по телефону. Вот почему его почти не слышно, а она то замолкает, то начинает снова. Ещё несколько минут назад я представляла, как он поднимется с пакетом, поцелует Свету в щёку, скажет «с днём рождения, сестрёнка», и мы сядем за стол, накрытый маминой скатертью. Теперь от этой картинки меня тошнит.

А в январе Света приходила сдавать кровь в мою процедурную. Очередь была длинная, Зоя Павловна как раз сидела в коридоре и ругала мужчину, который пролез без очереди, и я сама взяла у сестры кровь. Она сидела на кушетке, закатав рукав свитера, и не смотрела на иглу, а говорила о погоде, о том, что в такую слякоть тяжело ходить на работу. Потом сказала, что терапевт направил проверить щитовидку. Я сверила назначение, подписала пробирку, сделала запись в журнале и ни о чём больше не спросила. Её утреннюю тошноту я списывала на нервы. Заваривала ей имбирь, покупала мёд и только теперь понимаю, что заваривала не для того, чтобы ей стало легче, а для того, чтобы не задавать вопросов.

Игорь в феврале начал класть телефон экраном вниз. Я в его телефон не смотрела, потому что не смотрела ни в чей телефон: так я относилась ко всем, кого любила. Об этом теперь вспоминаю без всякой гордости.

В марте он стал задерживаться в гараже. Я ставила ему ужин в духовку, а утром он съедал его холодным, стоя у плиты, и говорил, что очень вкусно. Однажды я заметила, что от его куртки пахнет не маслом и не железом, а сладкими духами, которые я дарила Свете на Восьмое марта. Спросила, откуда это. Игорь ответил, что Светка ехала с ним из сервиса и села в кабину, и я кивнула, как кивала на всё, что он рассказывал. Кивать я умею. Это, наверное, главное, чему меня научила жизнь.

Хлопает входная дверь. Игорь заходит с пакетом, в котором звякает бутылка, и первое, что он видит, — это я в коридоре, с горящим тортом в руках, у приоткрытой двери маленькой комнаты. Он смотрит на меня, потом на дверь, потом снова на меня, и я вижу, как у него меняется лицо. Похоже, он понял, сколько я успела услышать. Ни один из нас ничего не говорит. Света выходит из комнаты, придерживая рукой живот под свободным свитером, с телефоном в другой руке, и не знает, куда его деть, поэтому прижимает его к груди, будто он может её защитить.

— Вер, ну она же твоя сестра. Ты что, беременную на улицу выставишь? — Игорь говорит это тихо, почти ласково, ставит пакет на пол, чтобы бутылка не звякнула, и смотрит мне в лицо так, будто я пациентка, которой надо объяснить, что укол — это не больно.

Мне хочется сказать ему, что я никого не выставляю. Что я сама готова отдать ему торт, сестру, квартиру и всё, что он захочет, лишь бы он перестал так на меня смотреть. Но язык не слушается, и я молчу, и молчание вдруг становится единственным, что я в состоянии сделать.

— Верка, ну что ты молчишь, как на допросе, — Игорь переступает с ноги на ногу, поправляет манжеты рубашки, которую я вчера гладила на кухне, и косится на торт. — Давай спокойно. Никто тут не собирается делать трагедию из дня рождения. Сядем, выпьем, Света всё расскажет, она же у нас не умеет держать в себе.

— Игорь, ты говоришь «давай спокойно». Ты всегда так говоришь, когда всё уже решил, а мне остаётся только согласиться, — отвечаю я, и сама удивляюсь, насколько ровно звучит мой голос.

— Вер, не надо на него кричать, — Света опускает телефон, хотя я даже не повысила голоса. У неё самой голос срывается на полуслове. — Он не виноват. Это я сама, я же могла уехать, а я осталась, потому что мне было страшно.

Она плачет, некрасиво, открытым ртом, и тут же злится на себя за слёзы, и вытирает нос рукавом, как в детстве. Игорь морщится, словно от запаха, и отворачивается к вешалке, чтобы не видеть ни её, ни меня.

Свечи на торте оплывают. Одна из них клонится набок, и капля горячего воска попадает мне на большой палец, когда я пытаюсь её поправить, но я не отдёргиваю руку. Игорь ждёт, что я отвечу. Света прячет глаза в экран телефона. А на лестнице уже слышно, как кто-то бежит наверх через ступеньку, торопливо, и пакет шуршит при каждом шаге. Я узнаю этот топот с тех пор, как дочь научилась бегать по лестницам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.